- 6 НОЯ 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

ДУШИ НЕЛЕГКАЯ РАБОТА

Александр МИШАРИН,
кинодраматург

Вот и Анатолию Гребневу — шестьдесят! Может быть, теперь-то он посолиднеет, хотя бы внешне. Какая-то неторопливая умудренность, солидность, пусть даже барственность появятся в его походке, суждениях. Меньше улыбаться в конце концов будет! Что ему уж так весело?!

Работа киносценариста — это каторга, как говорил Павел Нилин, «факт всенародно известный». Чего он все время веселится? Да и шестьдесят лет — не возраст для рукопашной схватки за место в плане киностудии. Своего режиссера — «на всю жизнь» — нет. То с Ю. Райзманом работает, то с Л. Кулиджановым, то с М. Хуциевым, то с В. Трегубовичем, то с А. Манасаровой... Какое же терпение на все это нужно?! Принято говорить — «ангельское»... Но ангелами не рождаются, ангелами нас жизнь делает. И далеко не всех. И называют по-другому — скромный, порядочный...

Все это можно отнести и к Анатолию Гребневу.

Но ведь «феномен скромности» — вещь сложная! Есть скромность притязаний и возможностей и есть скромность чеховская, в умении обуздать собственную гордыню, не раня других художников, ведя свой долгий диалог наедине с собой и вынося на люди, на страницы, на экран только свободно уясненное, гармоничное, для себя окончательное.

В кинематографе, где сценарист должен умирать в режиссере, а тот в актерах или в операторе, в этом каком-то колдовском, мистериальном погибании всех ради всех, а в конце концов ради ленты, ради зрителя,— подобная ясная точность и спокойствие в определении художественной задачи всегда привлекали меня в картинах по сценариям А. Гребнева. Пусть это будет первая его работа с Юлием Карасиком «Ждите писем» или экранизация Р. Фраермана «Дикая собака Динго». Пусть это будет неожиданный, распахнутый, сердце в сердце со сверстником, с современником, с душевным прогнозом времени «Июльский дождь». Есть это и в «Старых стенах», и в «Частной жизни» с Ю. Райзманом. И в многосерийной телевизионной картине о молодом Марксе, где он работал в коллективе сценаристов и был удостоен Ленинской премии.

Да, спокойная ясность художественной задачи. И в самой этой ясности есть принятие мира, но оно не легковесно и не легкомысленно. В первую очередь Гребнев — сценарист-собеседник. Ему чужды оглушительные эскапады сюжета, экстатичность тона, чужда всяческая стилизация. Он современен и хорошо литературно воспитан. Даже до некоторой скованности воспитан... Но такое воспитание дается человеку чеховского, я бы сказал, виолончельного звучания. Этот глубокий и нерезкий тон надежности, на фоне которого могут произрастать и всплески талантливости, и категоричность художественных суждений. Такие писатели, как Анатолий Гребнев, есть суть понятие культуры, на которой покоятся и надежность ее нравственных критериев, и чуткость к любому социальному сдвигу, не только процессу, но и самому его зарождению.

Путь от замысла, предощущения, «толчка» в сознании киносценариста до снятого фильма долог и многотруден — не буду повторяться. Но если через все эти пороги, перепады, влияния и правки художественная мысль кинодраматурга доходит с отчетливостью именно́й — «это рука Толи Гребнева»,— такое не только оптимистично, но и поучительно.

Анатолий Гребнев — профессионал, то есть он работает в кинематографе непрерывно. Но это полдела. По его фильмам можно безошибочно определить, что он непрерывно трудится душевно. Полярной мизантропии человек, А. Гребнев для меня художник, удивительно чувствующий мизантропию даже в самой малой ее рельефности. Только зарождающейся, чуть сгущающейся. Мизантропия, еще не понятая самим ее обладателем, искривление душевного позвоночника — все это становится заботой художника. Сопоставьте «Старые стены», «Утренний обход», «Частную жизнь». Что общего? В двух словах? В «старых стенах» человеческой души начинается отмирание живой, душевной плоти. Еще не чувствуемой, как больной, но уже пораженной неполным душевным кровотоком с жизнью других — всеобщей, корневой.

Мне кажется, что Анатолий Гребнев как-то очень конкретно представляет себе человека счастливого, ясного, жизнью рожденного и жизнью ласкаемого. Может быть, человеческая оптимистичность уроженца Тифлиса Анатолия Гребнева тому естественная и прирожденная причина. Может быть, на солнечности его натуры так рельефны для художника пусть не пятна, но затемнения бесконечно любимых им героев. А про этот дар — любви к своим героям — я тоже не могу не сказать: он обнаруживает фигуру как эмоциональную, так и мужественную. Именно это качество безжалостности к себе все время слышится мне в работах А. Гребнева. Передо мной лежит его книга «Шесть повестей для экрана». Это киносценарии и не киносценарии. Да, это скорее повести...

Редкий случай бывает у сценариста, когда он перестает быть сценаристом, а становится автором картины. Нет, не потому, что меняет профессию. Просто он и режиссер на время своей работы перестают различать, где кончается профессия одного и где начинается профессия другого. Так бывает, когда материал, сам захват времени, воздуха, вселенной, которую осмелились художники осмыслить, пережить и принести людям в вершинном человеческом деянии — образе, гораздо большем, чем они сами. Больше их профессий, умения, одаренности...

Был такой фильм и у Анатолия Гребнева — «Июльский дождь». И счастливое соавторство с Марленом Хуциевым! И благодарное узнавание себя в картине тогдашних зрителей. Их самое профессионально, ремесленно неканоническое произведение осталось всем.

«Счастье беспощадного узнавания себя» на сцене или на экране, в строках или на холсте — сурово-радостный подарок не только для зрителя, народа, времени. Но подчас и непосильный взлет человеческой слабой плоти. Вдруг так царственно окинувшей целый мир. Но ведь не только мир, но и самого себя...

Анатолий Гребнев, как мне кажется, поступил мудро. Он доверился жизни, ее простому звучанию, толпе, смене дня и ночи, радостям собственной необходимости десяткам людей, режиссерам, студиям, товарищам по Союзу кинематографистов. Он много и честно работал и работает. Он мастер!

А. Гребнев не может позволить себе выйти к этим новым зрителям с мыслями мелкими, чувствами неискренними, мастерством холодным. И вот уже новая, вслед за «Частной жизнью», работается картина нестареющего мастера Юлия Райзмана, где сценарист Анатолий Гребнев. Вот и новые сценарии у него на столе... Да, в конце концов вон за окнами сама жизнь — простейшая до полной и вечной загадки, смена времен года и смена света и тьмы. Безостановочная, мускулистая, уносящаяся...

И все равно — то ли наяву, то ли показалось — да мелькнет чуть постаревшее лицо героя «Июльского дождя», да нет, это уже Нечаев из «Утреннего обхода», а может быть, это Абрикосов с рубленым, дерзко неуверенным лицом Михаила Ульянова.

Нет, не верю я в столь осязаемо ясные встречи писателя со своими героями. Они, герои, были другими в его внезапно ясной памяти. С незнаменитыми лицами, не в тех обстоятельствах, не в тех павильонах и даже городах. Они, эти еще люди, а не образы, сопровождали писателя за тридцать лет его профессиональной жизни, и были они ему и знакомы, и незнакомы. То открывались в длинных, невозможных для кино монологах, то молчали, то что-то советовали и кричали ему в трудную минуту — уже его, а не их. И он их видел только тем, загадочным, внутренним взглядом, когда не слышишь ни телефона, ни голоса жены, а сидишь в какой-то прострации и понимаешь, что в самой пустой комнате, в самой громадной толпе ты одиноко неодинок, потому что их, твоих вечных гостей, много... Героев ли, людей ли, каких-то лиц, походок, вечеров при тусклом огне...

Нет, не думаю, не надеюсь, что и после шестидесяти лет замечательный кинописатель и человек Анатолий Борисович Гребнев приобретет хотя бы внешнюю маститость и умудренную окончательность в суждениях. Не только потому, что он обременен большой и творческой семьей, где ему не дадут «почить на лаврах», да и он сам не захочет...

Но еще и потому, что художник полон несгибаемого сомнения, яростного бессилия, неумолимого счастья! Единой страсти — успеть! Успеть все, все, все ...что было, есть и будет — сделать плотью жизни. Выразить, отдать... Вознести!

Недаром, помните? «Хотел бы в единое слово!»

● *Кинодраматург Анатолий Гребнев.*

Фото Н. Самойлова.